

На древней земле Залесья

В прохладе музейных комнат дремлют под стёклами витрин наконечники копий, ржавые мечи, позеленевшие от времени поясные пряжки, тусклые серебряные украшения. Рядом на листах картона схвачены крест-накрест прочными суровыми нитками обломки горшков — толстые черепки, густо покрытые глубокими коническими ямками и отпечатками частой гребёнки. Белые этикетки с надписями свидетельствуют, что эти экспонаты относятся к разным эпохам истории человечества. Их отделяет от наших дней от полутора до пяти тысяч лет. Но одно их роднит: все они найдены на древней переславской земле и со многими из них связаны увлекательные истории, часто ещё ждущие своего конца.

На курган... равняйся!

...Лето 1854 года было сухим и знойным. Горели хлеба, крестьяне с тоской взирали на небо и никто не предполагал, что этот неурожайный год войдёт в историю русской археологии в качестве блистательнейшего и... печального!

А получилось это так. На заседаниях учёных обществ, вплоть до императорской академии наук, велись дебаты: что есть ранняя история российская? Можно ли верить летописцам, оставившим на страницах первых исторических трудов сведения о размещении славянских и иноязычных племён, таких как меря, весь, мордва, мурома и так далее? Существовали ли они в действительности? Чтобы положить конец этим спорам, крупнейший русский археолог, основатель Исторического музея в Москве, а тогда ещё министр просвещения, граф А. С. Уваров начал раскопки древностей Владимирской земли, считая её колыбелью русского государства.

Начинать, так начинать! Граф был не только человеком с размахом, но и обладал необходимыми связями. И во главе целого полка великий археолог проследовал в Переславский уезд, чтобы раскопать более двух тысяч курганов, как будто нарочно оставленных для него древними обитателями этих мест.

Раскопки были закончены в один сезон. Их результатом была великолепная выставка найденных предметов, разрешившая столь долгий спор учёных мужей, первая монография о древней истории края — «Мерянские древности» и... плач последующих поколений археологов, ибо груды великолепных вещей были только грудями: ни о какой документации при раскопках не могло быть и речи. Вещи были «немыми».¹ Заставить заговорить их могло только чудо — находка новых могильников того же времени, не замеченных дотошным основателем российской археологии. Но он поработал на славу. И оставалось только с грустью взирать на гигантские оспины-следы раскопов, покрывающие девственно-зелёные

**Никитин, А. Л.* На древней земле Залесья / А. Л. Никитин // *Коммунар*. — 1964. — 16 августа. — С. 4.

¹Это мнение автора статьи неверно и предвзято. В Государственном историческом музее сохранились дневники раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева. Они позволяют восстановить состав большей части комплекса и показывают, что раскопки соответствовали требованиям научной методики: фиксировалось положение останков в насыпи, состав и размещение вещей, каждый раскопанный курган описывался отдельно. Позднее автор исправил своё мнение.

Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1 / А. Н. Кирпичников // *Свод археологических источников*. — М.: 1966. — Выпуск Е1-36. — С. 10.

Рябинин, Е. А. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г. / Е. А. Рябинин // *Советская археология*. — 1979. — № 1. — С. 229. — *Ред.*

склоны Плещеева озера у с. Вельково, на горе Гремяч у Ботика, под Городищем и деревней Криушкино.

Голубые дороги веков

Казалось, на этом можно было бы поставить точку и больше не возвращаться. Никто из археологов не решался бередить раны Переславской земли до 1924 года, когда М. И. Смирнов, один из крупнейших краеведов и историков края, основатель Переславль-Залесского историко-художественного музея, обратил внимание на остатки ещё более древних эпох — на поселения первых людей, проникших в озёрное Залесье, вскоре после отступления ледника.¹

По рекам и протокам, среди шуршащих тростников и камышей, скользили их лодки-долбленки с юга на север, от озера к озеру, осваивая новые места, богатые рыбой и дичью. С треском из чащи на водопой выходили лоси, и бобры безбоязненно вылезали на свои плотины, чтобы поглазеть на пришельца.

Здесь на песчаных дюнах, поросших соснами, на реке Вёксе, где теперь пересекает её линия узкоколейной дороги, первые поселенцы срубили кремнёвыми топорами свои хижины. Река кишела рыбой — даже в обычное время её было больше, чем сейчас в мае во время хода плотвы. И точно так же, как теперь на берегах Вёксы становится тесно от приезжающих из Москвы и Ярославля рыболовов, так и тогда сюда, к местам нерестилищ, стягивались на праздник весенней рыбы люди из окрестных посёлков: из-под теперешнего Усоля, с Симанца, с Хмельниковской горки, с Чельни и Лочмы на озере Сомино, где до сих пор под дёрном и соснами в песке лежат остатки их культуры и быта: толстостенные обломки сосудов, кремнёвые наконечники стрел, скрепки, топоры, долота, проколки, свёрла, гарпуны, ножи и многое другое, что встречается археологу при раскопках.

Но я забегаю вперёд. Всё это было обнаружено позднее, начиная с 1957 года, когда в этих краях начал работать Переславский отряд Института археологии Академии наук СССР. А в 1924 году М. И. Смирнов впервые обнаружил неолитическое поселение на реке Вёксе, которое назвал «Польцо». Были собраны первые каменные орудия, первые обломки горшков, украсившие экспозицию Переславского музея. Но историк-краевед на этом не остановился. Одно за другим открывает он новые поселения первобытного человека на Вашутинском озере, на озере Сомино, на реке Трубеж под валами древнего Переславля. Теперь история края простирается вглубь тысячелетий, в каменный век. И не его вина, что жизнь энтузиаста и краеведа трагически оборвалась.² Детище М. И. Смирнова — Переславский музей с его богатейшими коллекциями — сохранил и расширил достойный преемник зачинателя — К. И. Иванов. Собиратель и хранитель славного прошлого края явился косвенным виновником вновь вспыхнувшего у археологов интереса к древностям залесской земли.

...В июле 1957 года в окрестностях Плещеева озера можно было встретить неразлучную пару. Двое парней, студенты Московского университета, одинаково худые и высокие, обросшие недельной щетиной, регулярно возвращались в Переславский музей с пудовыми рюкзаками и выходили оттуда налегке. По существу это и было начало нового периода в переславской археологии: кроме шести известных стоянок было открыто ещё 24 памятника, собран и описан материал, составлены коллекции. Осенью того же года Переславский отряд Института археологии АН СССР получил официальное признание.

Человек — человеку

Из Подгорной слободы в Переславле, от переезда, линия узкоколейки бежит по насыпи над поймой озера, мимо Велькова, Ботика, ныряет в заросли кустарника за старой

¹ В 1925 году делали раскопки М. И. Смирнов, А. А. Спицын и С. Е. Елховский. — *Ред.*

² Ошибка! Смирнов вернулся из ссылки, работал в Загорске и Коломне. Уже после ссылки продолжал писать научные труды, которые до сих пор никому не нужны и потому не опубликованы. — *Ред.*

мельницей, чтобы вырваться на простор после разъезда 10-го километра и, перепрыгнув через извилистую Куротню, возле Симака взбирается на низкие дюны древнего берега озера. Здесь начинается археология. Здесь, сняв лопатой тонкий слой дёрна с серебристым мхом и лиловой порослью вереска, перешагиваешь через три тысячелетия, отделяющие нас от неолита — позднего каменного века.

Песок не любит хранить дерево и кость — они исчезают бесследно, разрушаемые морозами, вымываемые дождями, съедаемые корнями деревьев. Но камень и керамика, ямы, заполненные углем и золой — остатки костров, зажжённых нашими безвестными предками, — они-то и позволяют раскрыть тайны этих мест.

Стоянку найти сравнительно легко — для этого нужен не такой уж большой объём специальных знаний, опыт и... интуиция. Ещё, пожалуй, немного фантазии, позволяющей археологу представить себе эти места в ту отдалённую эпоху, в которую он ищет вход. Несколько сложнее произвести раскопки так, чтобы раскопанный участок с находками полностью перешёл на листы чертежей и рисунков, сохранился в записях дневника раскопок и в серии фотоснимков. Но самое главное — правильно понять, объяснить найденное. В этом-то и заключается вся романтика поиска во времени!

До последних лет большинство учёных полагало, что неолитическое население лесной зоны Европейской части СССР занималось исключительно охотой и рыболовством, а такие домашние животные, как корова, лошадь, свинья и коза попали в эти районы гораздо позднее, в конце эпохи бронзы. Но что это? Когда остеологи стали определять породы животных по костям, найденным на неолитическом поселении «Польцо» при раскопках в 1961 году, они обнаружили там кости лошади! Дальше — больше. У истока Вёксы из Плещеева озера, неподалёку от дома Новоселовых, в сосновом лесу спряталась небольшая неолитическая стоянка «Теремки». Когда-то её обнаружил брат М. И. Смирнова В. И. Смирнов, но с тех пор до 1961 года её не могли найти ни один археолог. Вторичное рождение стоянки принесло ей заслуженную славу — в первом же разведочном раскопе были найдены подвески к ожерелью из резцов коровы! И здесь же зуб свиньи... Животноводство отодвинулось вглубь веков на добрых полторы тысячи лет.

Та же участь постигла земледелие. Оно было известно на юге ещё в раннем медном веке, в третьем тысячелетии до нашей эры. Но для лесной полосы эта дата была слишком ранней — учёные проводили эту грань только в середине первого тысячелетия до н. э. А теперь...

Деревня Криушкино протянулась двумя посадками по высокому берегу Плещеева озера. Крутые склоны, поросшие орешником и дубняком, скрывают следы раскопанных курганов. Эта деревня могла бы, вероятно, праздновать своё тысячелетие — под деревней лежит мезьянское селище. Но дело не в том. Овраг Дикариха, по которому обычно пастухи гоняют стадо, похож на выемку, сделанную гигантским ковшом экскаватора. Только ковш не унёс эту землю далеко, а отложил тут же, внизу, перебив талыми водами и дождевыми потоками, в виде низкого бугра, через который переваливается дорога. Здесь-то, на бугре, после многолетних бесплодных поисков в 1959 году был найден один из замечательных памятников переславской археологии — могильник «Дикариха».

В середине второго тысячелетия до н. э. в район Плещеева озера, занятый местными неолитическими племенами, изготовлявшими ямочно-гребенчатую керамику, всё чаще и чаще стали проникать с юга пришельцы-племена эпохи бронзы, которые употребляли бронзовые и медные орудия труда и оружие, давно освоившие скотоводство и земледелие.

Вряд ли первое знакомство пришельцев с хозяевами здешних мест было мирным. Столкновения следовали за столкновениями, но, в конце концов, конфликт был каким-то образом разрешён — пришельцы влились в местную среду и на этой основе возникла совершенно новая, высокая культура хозяйства. Земледелие вошло в быт. Его граница во времени опустилась на тысячу лет. Об этом рассказали находки зёрен пшеницы и ржи, замешанные в глину сосудов, найденных в могилах.

Эти открытия — только малая часть работы, уже проделанной археологами. О них можно рассказывать без конца. Тут можно говорить и о быте, и о торговле, о первобытной технике, даже — о философии, ибо ритуал, обряды, которыми сопровождалось погребение соплеменников — это отражение представлений о мире в мозгу первобытного человека. Нет, археология — отнюдь не «собираение черепков», как это зачастую приходится слышать

от непосвящённых. Это сложная и увлекательная наука о людях, о прошлом человечества, позволяющая осмыслить и сохранить тот опыт, который оно накопило за всю свою историю. И уж совсем неверно утверждение, что археология далека от сегодняшнего дня. Простой пример. Всем известно то грандиозное наступление на пустыню, которое ведётся у нас на юге, в Средней Азии. Но мало кто знает, что подготовили и обосновали его археологи! Именно они выяснили, что на месте пустынь были цветущие сады, они нашли трассы старых каналов, определили время, необходимое для остановки песков.

А в лесной полосе? Здесь дело более сложное. Определение начала земледелия — только первый шаг. В содружестве с почвоведом надо искать следы древних полей: изучать изменение структуры почвы, время её разрушения и восстановления, чтобы распаханная глинистая холмы, которых так много в Переславском районе, снова стали тучными нивами, приносящими богатый урожай. Это — одна из задач. И первый шаг уже сделан: в этом сезоне вместе с археологами на переславской земле будут работать геологи и почвоведы.

История имеет продолжение

Заранее оговариваюсь: Володя Карцев не был археологом. Более того, он вовсе не ставил своей целью «утереть нос» отцу русской археологии и влить бодрость в археологов-славистов. Но всё-таки он это сделал.

А. С. Уваров не оставил ни одного кургана для последующих археологов. Сиятельный граф самолично объехал весь район и убедился, что полк солдат выполнил свой долг. А мы, честно говоря, и не занимались славянами, так как верили на слово старшим, что на Переславщине это — зряшное занятие.

Осенью 1958 года на раскопках «Польца» Володя выделялся своей медлительностью и тщательностью. Его спокойный, но неуёмный интерес выводил из себя мою помощницу по раскопу. А парень хотел знать не только «что», но и «почему» и «для чего». После раскопок мы уехали в Москву, а Володя остался. И вот следующей весной, когда я по обыкновению приехал на Вёксу, чтобы не пропустить знаменитый «ход плотвы» (археологи тоже люди и даже рыбаки!), Володя преподнёс мне сюрприз: копая в посёлке яму, он обнаружил человеческий скелет. Уроки археологии не пропали даром — находка была расчищена и описана по всем правилам науки! Но самое важное заключалось в единственном предмете, сопровождающем погребение — это было серебряное височное кольцо XII века!

Только в 1961 году мы смогли начать раскопки в посёлке Купанское — и были вознаграждены: Володя открыл чрезвычайно интересный славянский могильник XI—XIII веков. Находок было много: стеклянные золочёные бусы, некоторые из которых совершили далёкий путь из Византии на Плещеево озеро, височные кольца с зернью, ножи, подвески. Но главное заключалось в другом: теперь археологи могут вздохнуть спокойнее — новые находки позволят разобраться в какой-то степени в той груде вещей, которую оставил после себя Уваров. История имеет продолжение.

А ведь самое важное продолжение истории — люди. Уваров копал один. Он полагался только на свои знания и эрудицию. А далеко ли на этом уедешь? Что делали бы мы, археологи, без повседневной помощи самых различных людей, которые, покопавшись в памяти, вспоминали случаи находок, указывали места, бережно сохраняли найденное, чтобы передать специалистам или в свой родной краеведческий музей. И это — их вклад в науку.

Но науке помогали не только они — тут и шофёры, «подбрасывающие» нас на попутных машинах во время разведок, и гостеприимные хозяева, у которых мы находили тёплый ночлег после тяжёлых километров маршрута по лесам и болотам Залесья. Ведь это — тоже актив науки. И если я упомянул только Володю Карцева — пусть не посетуют другие — вместо этого рассказа получился бы только длинный перечень имён!

А. Никитин,
начальник Переславского неолитического отряда
Института археологии Академии наук СССР